

УДК 327.3

Н.В. Полякова

МАРК БЛОК: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Первая мировая война (1914–1918) стала важнейшим историческим событием не только XX века, но и в целом мировой истории. Она подвела определенную черту под модернистским этапом развития европейской цивилизации и обозначила необходимость пересмотра основных параметров и перспектив ее эволюции: «Человечество никогда ещё не было в таком положении. Не достигнув значительно более высокого уровня добродетели и не пользуясь значительно более мудрым руководством, люди впервые получили в руки такие орудия, при помощи которых они без промаха могут уничтожить всё человечество. Таково достижение всей их славной истории, всех славных трудов предшествовавших поколений» [1, с. 12].

Многие писатели, философы и ученые, рефлексируя над трагическими событиями этого периода, приходили к одному и тому же неутешительному выводу о крушении в сражениях первой мировой классической европейской системы ценностей, об изменении статуса человеческой личности и человеческой культуры, о возникновении новой модели социально-экономического и политического порядка. Недаром, например, немецкий философ и историк Освальд Шпенглер, ставший провозвестником грядущего глобального кризиса, глобальной кризисной эпохи, создает свое эпохальное произведение «Закат Европы» (1918–1922) именно по следам событий Первой мировой войны.

По своим материально-техническим, социально-политическим и духовным последствиям Первая мировая война, воспринимаемая современниками как подлинная цивилизационная катастрофа, определила историческое лицо и обозначила основные проблемы наступившего XX века. «Современный мир, – писал в конце 1915 г. русский философ Л.М. Лопатин, – переживает огромную историческую катастрофу, настолько ужасную, настолько кровавую, настолько чреватую самыми неожиданными перспективами, что перед ней немеет мысль и кружится голова... В свирепствующей теперь небывалой исторической буре не только реками льется кровь, не только крушатся государства... не только гибнут и восстают народы, – происходит и нечто другое... Крушатся старые идеалы, блекнут прежние надежды и настойчивые ожидания... А главное, непоправимо и глубоко колеблется самая наша вера в современную культуру: из-за ее устоев вдруг выглянуло на нас такое страшное звериное лицо, что мы невольно отвернулись от него с недоумением. И поднимается неотступный вопрос: да что же такое, в самом деле, эта культура? Какая ее материальная, даже просто жизненная ценность?» [2, с. 2–3]. Другой русский философ Н. Бердяев сравнивал Первую мировую войну с девятым валом, который похоронил под собою все прежние новоевропейские культурные иллюзии и социальные утопии. «Выясняется не теорией, а самой жизнью, что социальный гуманизм имел слишком ограниченный и слишком поверхностный базис. Не было принято во внимание, что существуют глубокие недра земли и необъятная мировая ширь и звездные миры. Много темно иррационального, всегда приносящего неожиданность, лежит в этих недрах и в бесконечной шире... Слишком многое не принимается во внимание в социальных утопиях, всегда основанных на упрощении и искусственной изоляции», – писал Бердяев, отмечая в событиях Первой мировой войны небывалый ранее в русле, казалось бы, давно уже рационализированной европейской истории всплеск иррациональной стихии [3, с. 145].

Итогом этих событий стало изменение ценностных критериев и нравственная переориентация сознания, а также чувство социального пессимизма и отчаяния, которое стало определяющим в межвоенный период в западноевропейской культуре. Все это привело к возрастанию интереса со стороны европейских интеллектуалов к проблемам человеческой личности: личность начинает восприниматься уже не столько сквозь призму рациональных характеристик, сколько посредством ее внутренних экзистенциальных ощущений, нравственных переживаний, аффектов, т. е. всего того, что не укладывается в прокрустово ложе сложившейся рационалистической традиции. Недаром, одним из центральных направлений развития западноевропейской философской мысли с 20-х гг. XX в. становится экзистенциализм, рельефно отразивший умонастроения отчаявшегося человека XX столетия, утратившего веру в научный разум, во всемогущество науки и техники, в прогрессивную логику истории. Экзистенциализм, получивший своеобразный ярлык «философии кризиса», сосредоточил свое внимание на духовной активности и внутренней выдержке человека в условиях враждебного ему мира в рамках пограничных ситуаций: для того, чтобы выстоять в кризисных условиях, не капитулировать перед историческими обстоятельствами, индивид должен, в первую очередь, разобраться в себе, оценить свои возможности и перспективы.

Именно в этом же контексте в рамках новой исторической науки, которая оформилась в послевоенный период, в конце 20-х гг. XX в., вокруг журнала «Анналы», закладываются и новые подходы к пониманию и прочтению истории и места в ней человека, а также роли интеллектуалов в осмыслении недавно свершившихся событий и событий современности. С самого начала это направление, у истоков которого стояли французские историки М. Блок и Л. Февр, призвало к ревизии классической историографии, опиравшейся на главенствующее положение событийной (политической,

дипломатической, военной) истории, изложенной, в первую очередь, в письменных источниках. Его отцы-основатели призвали заменить описательность и фактологическую событийность прежней классической историографии историей проблематизирующей, построенной на междисциплинарном обсуждении и синтезе, а также поставили своей задачей вернуть историю к ее антропологическим истокам. В их понимании история – это не только цепь выдающихся событий с их главными героями (политиками, великими полководцами, общественными и религиозными деятелями), а целый комплекс больших и маленьких событий, в которых наряду с героями участвуют обычные люди с их повседневными мыслями, чувствами и переживаниями: «Историческая антропология не имеет какой-то специфической только для нее области исследования. Сюжеты ею рассматриваемые, могут составлять предмет изучения и других отраслей исторической науки. Но историка-антрополога интересует, прежде всего, “человеческий резонанс” исторической эволюции, модели поведения, которые она порождает или изменяет» [4, с. 32].

Антропологическое измерение истории позволило представителям школы «Анналов» создать совершенно новый контекст понимания сути и специфической взаимосвязи двух мировых войн, ставших знаковыми событиями ушедшего XX столетия. Характерно, что линия преемственности как методология аналитики двух мировых войн была в целом достаточно распространена в европейском сознании. Так известный британский политик У. Черчилль в авторском предисловии к своему труду «Вторая мировая война» писал: «Я рассматриваю тома настоящего труда «Вторая мировая война» как продолжение истории Первой мировой войны, изложенной мною в книгах «Мировой кризис», «Восточный фронт» и «Последствия». Если данный труд будет завершен, вместе они составят летопись новой Тридцатилетней войны» [5, с. 14].

Фигура М. Блока – одного из отцов-основателей школы исторической антропологии и журнала «Анналы» – в современных

условиях приобрела важное символическое значение: его профессиональная и личная судьба становится отправной точкой для обсуждения специфики ремесла историка и морального выбора интеллектуалов в различных социально-политических контекстах. Он был призван на фронт Первой мировой войны в августе 1914 г. и начал свою службу в чине пехотного сержанта, а закончил в звании капитана, получив в приказах по армии несколько благодарностей и крест «За боевые заслуги». В 1940 г. этот ученый, профессор Сорбонны, по собственному желанию прибыл на фронт и в звании капитана был зачислен на штабную службу, хотя по возрасту и состоянию здоровья мог избежать участия в военной компании. После капитуляции Франции он постепенно включился в работу местных отрядов движения Сопротивления и стал его активным участником. Уже в самом конце войны М. Блок был арестован и после пыток расстрелян 16 июня 1944 г. Этот «маленький человек в круглых очках» впоследствии становится во Франции символом интеллектуала-борца, интеллектуала-героя, в котором черты ученого и гражданина были представлены в некоем действительно идеальном сочетании.

М. Блок, будучи ветераном двух мировых войн, размышлял о них одновременно и как участник, и как историк. В своих работах «Записки о Первой мировой войне» и «Странное поражение» он создает их широкомасштабный контекст и стремится провести не просто параллели, но выстроить аргументированные линии исторической и антропологической преемственности между этими событиями. Уже в своих ранних «Записках о Первой мировой войне» М. Блок, по словам исследователя его творчества У. Рольфа, «...воспринимает войну как лабораторию, которая позволяет историку проверять эффективность восприятия и обработки исторической информации» [6, с. 26]. Он видит себя в качестве «свидетеля перед будущим трибуналом», а в самом событийном ряду первой мировой войны обнаруживает «...вызов для исторической науки» [6, с. 35]. Эта же позиция сохраняется и во втором эссе

М. Блока, посвященном «странной войне» 1940 г. «Все-таки в “Странном поражении” Марк Блок со всей ясностью показал себя историком настоящего времени, – он выступает там не только как историк... но и как свидетель, говорящий о своем опыте и бросающий взгляд на свою эпоху», – утверждает современный французский историк Анри Руссо [7, с. 28]. Таким образом, в русле методологии школы исторической антропологии Блок поставил себя в центр происходящих событий, которые рассматривал сквозь призму своего личного опыта и профессионального статуса: такой подход придает истории как минувшей, так и разворачивающейся перед его глазами войны весьма личный характер и форму истории-свидетельства.

«Странное поражение» – это блестящее философское и историко-политологическое эссе, посвященное анализу причин поражения Франции в начале Второй мировой войны, которое одновременно представляет собой и аналитику итогов и последствий Первой мировой войны для развития Европы в целом и Франции в частности. Как верно отметил в своем Предисловии к этой работе профессор Гарвардского университета Стэнли Хоффманн: «Соучредитель «Анналов» прекрасно знал, что для того, чтобы понять настоящее, необходимо “изучить прошлое”» [8, с. 9]. Поэтому, обратившись к критическому анализу событий «странной войны» 1940 г., Марк Блок неизбежно возвращался к событиям войны 1914–1918 гг., но пропускал этот анализ сквозь призму собственного личного опыта, собственных мыслей и переживаний: «Справедливость требует, чтобы воспоминания *простого солдата* (курсив мой – П.Н.) плавно оформились в анализ поступков французской нации» [9, с. 44].

По его мнению, не смотря на, казалось бы, блестящую победу французов и их союзников в Первой мировой войне, победившая Франция оказалась в ситуации настоящей «пирровой победы», которая и создала предпосылки ее будущего «странного поражения» в 1940 г. Поэтому Марк Блок создает широкую ретроспективную картину краха Третьей республики, сползания страны, не сумевшей преодолеть упадок

национального духа, к новой военной катастрофе, показывает процесс поражения в его предварительном развитии и начинает его междисциплинарную аналитику с итогов Первой войны 1914–1918 гг.

Важнейшей причиной поражения 1940 г., корни которой Блок видел именно в событиях Первой мировой, стал «всеобщий застой», выразившийся в интеллектуальной слабости и несостоятельности. Этот «застой» стал результатом «...провозглашения догмата о войне во имя самозащиты, догмата, порожденного к жизни итогами сражений 1914–18 годов, которые были возведены в ранг доктрины, несмотря на разницу политических и технических условий Первой и Второй мировых войн» [8, с. 10]. Он проявился, согласно Блоку, в полной деградации системы военной подготовки и управления, в стратегических просчетах, односторонне нацеленных на оборонительную линию Мажино, а также в отставании в информационном и материально-техническом обеспечении военной области: «...немцы проводили эту войну под знаком «скоростных технологий». А мы, со своей стороны, даже не попытались вернуться к тем способам, какими мы вели прошлую войну» [9, с. 60].

Особое внимание в своей аналитике причин «странного поражения» Франции Марк Блок уделял теме кадрового фактора во французской армии 1940 г., в рамках которой отмечал наличие серьезного внутреннего конфликта или даже «раскола» поколений. Проблема геронтологического перерождения офицерского корпуса представляется историку особенно значимой, поскольку «...во главе французских войск стояли старики, неспособные пересмотреть свое отношение к прошлой победе, то есть неспособные реагировать правильно (как, например, Жоффр) после катастрофы лета 1914 г.» [8, с. 10–11]. Интересно, что фигура генерала Жоффра, командующего французской армией в годы Первой мировой войны, являлась для него в целом достаточно символической, и он неоднократно обращался к его примеру в тексте своего эссе «Странное поражение». «Нам не хватало командира с твердой рукой, вроде Жоффра в 1914 году. Но

все они уже состарились и были избалованы почестями, славой и бумажной работой», – писал Блок, обозначая болевые точки кадрового состава французской армии [9, с. 114]. Особенно рельефно историк подчеркивал тот факт, что над всем почти офицерским корпусом «...довлели воспоминания о войне 1914–18 годов» и что всем «...им казалось, что для того, чтобы выиграть эту войну, им вполне достаточно не повторять ошибок предыдущей и использовать те же приемы, которые оказались успешными» [9, с. 140].

В своей работе «Странное поражение» французский историк обращался также и к анализу состояния самого французского общества и французского политического класса в предвоенный период и в военных условиях. Он утверждал, что весомой причиной катастрофы 1940 г. были тяжкие воспоминания французов о Первой мировой войне, нанесшей стране огромный материальный и культурный ущерб. «В войне 1914–1918 годов было уничтожено много имущества и это оставило горькие воспоминания. ... Люди подумали, что лучше согласиться на все, чем вновь пережить такое обнищание», – писал Блок, отмечая при этом, что никто в то же время не мыслил стратегически, т. е. не отдавал себе отчета в том, что военное поражение – это худшее, что может случиться с экономикой, с обществом, со страной в целом [9, с. 148].

В этой связи возникло несколько проблем, обуславливавших характер взаимодействия французской армии и общества, которые выделяет автор «Странного поражения». Во-первых, структурная специфика и качество французского тыла: если в войне 1914–1918 гг., как вспоминает Блок, тыл был четко структурирован (линия огня – полутыл – тыл), то в войне 1940 г. четкое разграничение между мирными жителями и солдатами исчезло, что размывало классическое понимание тыла в ходе военных действий и создавало новые предпосылки нестабильного взаимодействия армии и общества. Во-вторых, общий упадок национального духа и патриотизма по сравнению с его подъемом в первый период первой

мировой войны: «Мне показалось, – отмечает М. Блок, – что даже у призывников уже не осталось того запала, который объединил нас в войне 1914 года и повел в бой. Освобождение от военной службы представляли нашему народу как благосклонность судьбы, а не унижительный факт» [9, с. 149].

Таким образом, М. Блок создает многогранное, наполненное антропологическими характеристиками полотно событий первой мировой войны, рассмотренной сквозь призму причин и факторов «странного поражения» Франции в 1940 г. В своих работах он действительно свидетельствует и как непосредственный участник этих событий, и как историк, адекватно отвечающий на вызовы современности. В этом контексте европейская, и, в частности, французская культура, вынужденная искать для себя в ушедшем XX в. модели поведения, способные послужить достойным примером для подражания, неизбежно будет продолжать обращаться к многоплановой во всех отношениях личности этого человека – ученого, солдата и гражданина: «...Марк Блок, очевидно, находится на пересечении дорог, человек без родины, погибший как партизан, человек, всецело преданный науке, покинувший армию критики ради критики армий, ... примиривший в себе ученого и гражданина» [10, с.49].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Черчилль У.** Мировой кризис / Пер. с англ.; с предисл. И. Минца. – М.; Л.: Государственное военное издательство, 1932. – 328 с.
2. **Лопатин Л.М.** Современное значение философских идей кн. С.Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. Кн. 131 (1). М., 1916. С. 1–39.
3. **Бердяев Н.А.** Судьба России. Составление и послесловие: К.П. Ковалев. – М.: Издательство «Советский писатель» при содействии литературно-редакционного агентства «Глагол», 1990. – 348с.
4. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. – 255с.
5. **Черчилль У.** Вторая мировая война (в 3-х книгах). М.: Воениздат, 1991. Кн. 1. Т. I-II. – 592 с.

6. **Raulff U.** De l'origine á l' actualité. Marc Bloch, l' histoire et le problème du temps present; Bibliothèque historique de la Ville Paris, 11 octobre 1996. Sigmaringen: Thorbecke, 1997.
7. **Rousso H.** La hantise du passe: entretien avec Philippe Petit. Paris: Textuel, 1998.
8. **Хоффман, Ст.** Предисловие // Блок М. Странное поражение / Пер. с франц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 2–14.
9. **Блок М.** Странное поражение / Пер. с франц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 287с.
10. **Dumoulin O.** Marc Bloch. Paris: Presses de Sciences politiques, 2000. – 332 p.